

УДК 821.161.1.09"1917/1991"
ББК 83.3(2)6

В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ЛЕОНОВСКОГО ТВОРЧЕСТВА
(Рец. на кн.: Дырдин, А. А. Проза Леонида Леонова:
метафизика мысли [Текст] : монография / А. А. Дырдин. –
М. : Изд. дом «Синергия», 2012. – 294 с.)

В.С. Воронин

Рецензируемая монография А.А. Дырдина состоит из трех частей. В первой из них «На пути к главной книге» автор выбирает особые критические точки леоновского творчества, в которых остро чувствуется пульс беспокойного исторического времени и человека, мятущегося в триаде греха, покаяния и спасения. Через объектив романа-завещания «Пирамида» эти критические точки теперь могут и должны быть прочитаны по-новому. Не избегает автор и критического переосмысления самого понятия метафизики. Тень истины и опыта, лежащая «за физикой», за естественным восприятием вещей и явлений, некий сверхчувственный довесок в истории мысли приобретали то положительную, то отрицательную оценку. Эти оценки напрямую (как бы ни кричали о свободе, о независимости художника, литературоведа, критика) связаны с идеями тех, кто находится у руля политической жизни страны. Если марксизм всячески критиковал метафизический метод, заключающийся в рассмотрении мира как однозначной застывшей системы, вне взаимопереходов противоположностей друг в друга, то сейчас метафизика, подзабыв о диалектике, снова становится синонимом всей философии. Значимость отрицательной стороны, отсутствия и пустоты всячески подчеркивает современная постмодернистская литература и литературоведение. Не случайно М.Н. Эпштейн свою работу «Слово и молчание: Метафизика русской литературы» предваряет словами Томаса Карлейля: «Молчание и речь, действуя совместно, дают двойную значи-

мость» [4, с. 7]. Давайте подставим вместо слова «молчание» слово «речь». Смысл сохранится. А если проделать обратную операцию, заменить речь молчанием, то смысл заметно деформируется. Можно сколько угодно говорить о белом листе бумаги, как о потенциально бесконечном поле смыслов, но...

А.А. Дырдин в теоретическом осмыслении понятия сохраняет некоторую двойственность. С одной стороны, он солидаризируется с точкой зрения Ю.В. Мамлеева, что метафизика – «это не только учение о конечных причинах бытия», но и «особая эстетическая реальность, порожденная способностью образа продлевать существование вещей и явлений» (с. 16), с другой – пишет, что «без акцента на леоновской метафизике невозможна трактовка его творческой личности как писателя-диалектика» (с. 25). Один лик метафизики – самодостаточное все для эстетического и философского анализа произведения, второй лик – некая предварительная ступень к постижению диалектики.

Достоинством рецензируемой монографии является то, что автор отстаивает суверенность эстетической реальности с ее тончайшим образным кодом, не сводящимся ни к философии, ни к богословию, ни к науке. При этом автор, уходя в тайны речений отцов церкви, в духовно-символический код леоновского художественного мира, не забывает о его вещевой, обыденной насыщенности и о дерзком умении писателя через обыденность освещать потаенную тьму мира и человека. Как показывает А.А. Дырдин, в художествен-

ном сознании писателя переплелись три типа мышления: «литературное, философское, религиозно-символическое» (с. 17). Это обеспечило взгляду художника особую пронзительность, достигаемую за счет включения в свой опыт возможно большего числа людей, а с другой стороны, за счет отрешения от мира близко лежащих видимостей и прозрения за ним мира глубинного. Исследователь показывает, как взаимодействуют леоновское априори и апостериори, как дополняют друг друга опережающая мысль и отраженная, умноженная реальность.

Во многом по-новому прочитана леоновская повесть «Взятие Великошумска». Поначалу дается предельно общее определение главного конфликта повести как столкновения «идеологий и культур, получивших свое отражение в мифологии противоборства света и тьмы, которая проявилась движущей силой сюжета» (с. 72). Это конкретизируется связью воспоминаний командира танка об увиденном в детстве иконописном образе ангела мщенья с леоновским описанием боевой машины лейтенанта Соболюкова. Разумеется, Соболюков – представитель господствующей в его время идеологии, воспоминание об ангеле у него неизбежно будет отягощено грузом других коннотаций, но в эпоху такого общего конфликта, как тьмы и света, этот излишек становится неважным. Достаточно интересно положение А. Дырдина о первичной и вторичной символизации ангела мщенья, о возможности полифонной интерпретации символа. Возможность, которую внимательный исследователь в ряде случаев и реализует.

Следует отдать должное эрудиции автора монографии, работающего, как и исследуемый им художник, во всех регистрах родного слова: древнерусского, фольклорного, библейского и современного, умело привлекающего к постижению духовных истин сочинения отцов и проповедников церкви, русских историков и философов, использующего массу географических сведений. В переосмыслении концепта Матери Сырой-Земли задействованы данные о расселении славянских племен, поэтический тезис Я. Полонского о России как океане, представление В.А. Жуковского о России как о спасительном ковчеге и принадлежащее Н.С. Лескову сопостав-

ление страны с пароходом, с пьяной командой матросов, никак не могущим доплыть до Небесного Иерусалима.

Вторая часть книги посвящена непосредственно анализу «Пирамиды». Сразу после появления этого произведения (1994) А.А. Дырдин анализировал его в целом ряде своих статей и в последующих затем книгах. Многим литературоведам не совсем было ясно, как относиться к декларируемой писателем с самой первой страницы верности апокрифу Еноха, евангельской концепции мира и человека с резким и отнюдь не только религиозным их переосмыслением в художественном мире своей последней Вселенной. В монографии «В мире мысли и мифа. Роман Л. Леонова “Пирамида” и христианский символизм» (2001) А.А. Дырдин показывает, что в романе Леонова «миф в качестве реальности эпифании или свидетельства о праисторических временах замещается мифом рефлексивного плана. Леонов сознательно разрушает древнюю легенду, включая моменты философского дискурса» [1, с. 77]. В этом взаимодействии «мифотворческой активности и художественной рефлексии» [там же] и заключается фильтр, сквозь который проходят возможные варианты развития человечества. В большой работе «Духовное и эстетическое в русской философской прозе XX века: А. Платонов, М. Пришвин, Л. Леонов» (2004) исследователь приходит к выводу, что в романе взаимодействуют образно-символический и логико-понятийный способы познания мира, причем истина принадлежит первому, как мыслящему мир сразу в целом, а второй ошибочен, так как расчленяет мир на множество автономно познаваемых частей. На наш взгляд, здесь не все так безоговорочно. На самом деле даже ангел Дымков не настаивает на безоговорочности будущего человеческой цивилизации в целом. Исходя из доступной нам практики (и из самой Библии – тоже!), мы знаем, что конец естественный или сверхъестественный все время отодвигается. Видимо, неопределенность концов и начал является фундаментальным свойством природы (или Бога).

В анализируемой монографии исследователь глубже и разностороннее подходит к анализу художественного мира «Пирамиды».

По мысли автора, «фокусом идейной структуры повествования» (с. 97) и ключевым событием художественного мира становится сцена небесного раскола на две непримиримые сущности: Бог и падшие ангелы. Это соотносится с восстанием людей против Бога, но исследователь показывает, что при всей давящей изобразительности силы зла Леонов не предстает полным пессимистом в отношении будущего человеческого общества. И надо сказать, что глубину конечного человека Леонов передал мастерски, заставив простушку Дуню в какой-то мере управлять Божественным посланцем и даже обеспечивать его возврат в большую Вселенную уже после почти состоявшегося его падения. Вот это «почти» для многих персонажей, цикл отступления и возвращения прекрасно интерпретирует А.А. Дырдин.

На наш взгляд, речь, конечно, должна вестись в рамках трехзначной логики. Что, например, означает знак умолчания над верными ангелами в изложении событий небесного бунта по Шатаницкому? Намерение беса или действительное одиночество Бога, кстати, потом подчеркнутое в одном из видений отца Матвея? Впрочем, исследователь пронизательно обращает наше внимание на то, что «конкретные обстоятельства поисков, заблуждений и духовных открытий (неопределенность, ложь и истина – это троичная логика. – В. В.) героев романа показаны в тесном сопряжении мирского и непреходящего, временного и вечного» (с. 96). Очень плодотворным оказалось проведенное исследователем сопоставление произведения Л. Тихомирова «В последние дни» с рядом мотивов «Пирамиды». В этих двух книгах мы, действительно, видим «изобличение идеи человекобожества <...> с потрясающей силой» (с. 226). Но будет ли отрицание этих средних «человекобога» или «богочеловека» обязательным утверждением положительного полюса? Нет. Многозначная логика предполагает здесь разные ответы, как и художественный мир Леонида Леонова.

В третьей части монографии «Эстетическое сознание и метафизика мысли. Русский мир Леонида Леонова», касаясь вопроса взаимодействия мысли и вещи в леоновском мире, А. Дырдин замечает, что предметы

писателя «явлены на пересечениях природных и культурных стихий, не только в реально-бытовом, но и в вечном измерении» (с. 251). Глубоко интересны авторские раздумия «о несходстве сходного», где сопоставляются творческие манеры Л.М. Леонова и М.А. Шолохова и суждения о русском национальном мировоззрении, проявляющемся в различных персонажах «Пирамиды», в частности даже в Сталине.

Итак, перед нами – убедительное и основательное исследование системы координат леоновского творчества. Хотелось бы только добавить, что координаты эти даже по пространству и времени далеки от прямолинейных.

Достаточно доказательно исследователь показывает, что истинные герои леоновской «Пирамиды» – семейство священника Лоскутова – лишь временно отпадают от основных положений христианского вероучения. Однако выпрямление их, на наш взгляд, в художественном мире леоновского романа дано с большой степенью неопределенности. Так, о сыне священника Вадиме А.А. Дырдин пишет, что тот «сначала отпадает от семьи и родительской веры, чтобы обрести начатки религиозных убеждений после путешествия по кругам сталинского ада» (с. 99). Но, во-первых, после такого путешествия Вадим прибывает в отчий дом по распоряжению Шатаницкого, прибывает ни живым ни мертвым, так что архетип *возвращения* блудного сына здесь поставлен под сильное сомнение в части именно возвращения. Во-вторых, в чем-то Вадим и в этом состоянии оказался неподвластным дьяволу, а его финальная незаконченная здравица в честь, по всей видимости, Сталина очень не понравилась адским слугам. Молчал, молчал да вдруг заговорил! Еще бы... Здесь на нет сведена тысячелетняя работа церкви и дьявола (здесь эти противоположности трогательно сходятся) в воспитании страха перед загробным наказанием. Что это за вечные муки, если год сталинских лагерей всех их перевешивает, притом не с проклятием, а со здравицей?! В третьих, категории относительного времени в отношениях священника и его сына («раньше – после») несколько смещены в одновременность. В этом смысле знаменательна путаница прошлого и

будущего, происходящая в уме священника Матвея Лоскутова, когда он пришедшему к нему Вадиму велит впустить Бога в себя и ощущает, что «после того первомайского свидания т о ж е затрудняется назвать подразумеваемое лицо» [3, т. II, с. 268]. Здесь он сравнивает себя с Шатаницким. Но разговор с представителем адских сил состоялся уже после того, как Вадим был арестован, и, следовательно, Вадим прийти живым после того первомайского праздника не мог. В противостоянии священника и дьявола время смыкается в кольцо и одинаково реальными становятся прошлое, настоящее и будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дырдин, А. А. В мире мысли и мифа. Роман Л. Леонова «Пирамида» и христианский символизм / А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2001. – 116 с.
2. Дырдин, А. А. Духовное и эстетическое в русской философской прозе XX века: А. Платонов, М. Пришвин, Л. Леонов / А. А. Дырдин. – Ульяновск : УлГТУ, 2004. – 391 с.
3. Леонов, Л. М. Пирамида : роман-наваждение в трех частях / Л. М. Леонов. – М. : Голос, 1994. – Т. I. – 736 с. ; Т. II. – 688 с.
4. Эпштейн, М. Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы : учеб. пособие для вузов / М. Н. Эпштейн. – М. : Высш. школа, 2006. – 559 с.